

Немужская поэзия

**...Или бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвёт пистолет,
Так что сыпется золото с кружев
С розоватых брабантских манжет.**

* * *

**...Любить – это значит: в глубь двора
Вбежать, и до ночи грачьею,
Блестя топором, рубить дрова,
Силой своей играючи.**

* * *

**...Если путь прорубая отцовским мечом,
Ты солёные слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почём, –
Значит, нужные книги ты в детстве читал.**

Гумилёв, Маяковский, Высоцкий. Что объединяет эти, казалось бы, совершенно разные стихи? То, что это – мужская поэзия. Энергичная, мускулистая, рельефная, с чётким ритмом, упругой строкой, с отчётливо выраженным признаком пола. Мне ностальгически вспоминались их строчки, когда я листала скопившиеся у меня сборники саратовских поэтов, раздумывая, от каких освободить уже перегруженную книжную полку. Бросилась в глаза одна особенность, отличавшая почти все эти сборники поэтов мужского пола – отсутствие в них мужского начала: мужской уверенности, силы духа, воли, твёрдости, ума, наконец. Если не смотреть на фамилию на обложке, не сразу догадаешься, что автор стихов – мужчина. Как будто писало их нечто аморфное, эфемерное, воздушное. "Нежной песней рождаюсь..." – упоённо называет свой сборник один. Второй – свои циклы стихов: "Нежная флейта", "Поцелуй звезды". И благостно в них мурлычет:

Лисовином при лунности
Я льнул к её лонности...

"Я ветер! Ветер!" –

завывает третий.

Кто я? Я – ветер в забыты,
Твою сосущий грудь, –

вторит ему второй. (Странный какой ветер, однако. В данном случае уместней, наверное, было бы сравнить себя с пылесосом.)

Поэт с готовностью отдаёт себя во власть любимой:

Я пред тобой податливей, чем воск.
Лепи меня! – каким желаешь видеть...

* * *

Приходи и ласкай мою тень! –
предлагает следующий.

* * *

Позвольте стать Вашей тенью...

* * *

Не избавлю тебя от себя.
Стану в полночь являться виденьем...

"То ли девочка, а то ли виденье" – вспомнились слова известного шлягера. Но в данном случае это "мальчик." Хотя по стихам ни за что не скажешь:

В спальне тихонько скрипнула дверь.
Это не я, чтоб тебя успокоить.
Со сквозняком вошла моя тень,
Нечто воздушное, немужское.

Ну не мужчина, а облако в штанах! А порой даже и без оных:

Провожая день ненужный,
Сняв с себя свои одежды,
Не спеша на званый ужин,
Он по-прежнему был нежный.

Наш собирательный автор – натура тонкая, даже более того – утончённая:

Две утончённые натуры,
Как два летящих голубка,
Не зная чувствам своим чура,
Летят туда, где облака.

* * *

Я тот, по ветру пущенный листочек... –
трепещет другой. А предыдущий ему подсюсюкивает:

Я василёк, ты роза,
Мы милые цветочки.
Хочу в одном горшочке
С тобой быть постоянно.

"Вот и славно. Трам-там-там", – снова вспомнились слова умильной песенки дуэта Соломина и Васильевой из "Обыкновенного чуда". Эдакие эльфы,

эдельвейсы. А поэт Цветик продолжает:

...пленять тебя красою,
Такой простой и ясной.

А уж красив наш автор – как сам Аполлон Бельведерский. И все женщины вокруг него так и падают, так и падают, так штабелями сами собой и укладываются...

Лёгким жестом откинула волосы,
Взглядом синим метнула восторженно...

А уж если он на неё смотрит – то только себя в ней и видит. Не глядит, а глядится.

Гляжусь я в твой профиль ахматовский...

А это уже в другую:

И в светлый глянец локонов
Гляжусь я зачарованно...

("Гляжусь в тебя, как в зеркало", – вспомнился популярный певец Антонов.) А один автор так прямо и назвал свой сборник: "Себе, любимому." А на авантитуле вывел крупным шрифтом:

Да, я не Пушкин,
Да, я не Тютчев.

Вот хоть один самокритичный нашелся, – подумала было я, но осеклась, прочтя дальше:

Но я богаче,
Внимательней, чутче.

От скромности не умрёт и другой автор. Скорее, от мании величия:

Когда усну навеки я
В земле родимой неразбуженно,
О раковина бытия,
Не забывай свою жемчужину.

И этот тоже лелеет драгоценность своей особы:

И предстану тогда я твоей своенравной любви,
Скромный жемчуг на дне твоего океана.

В своих любовных грёзах поэт видит себя маленькой пчёлкой, неутомимо вьющейся над ухом любимой:

Над тобой пчелою я кружу
И о поцелуе ворожу...

* * *

Дарить цветы – достойно поцелуя
В ту прядку, что над ушком, завитком.
Я над тобой, пчелою озоруя,
Кружусь, смеюсь и вьюсь, как над цветком.

Или на худой конец – порхающим мотыльком:

Ты в ладони мои, как левкой мотыльку,
Дай губам моим верным припасть в поцелуе.

Он весь такой нежный, воздушный, изящный, трепетный... Она по сравнению с ним – просто какая-то лошадь.

Ты так эффектна, знаешь, что хочешь –
Это приятно, особенно ночью.
Будем мы вместе, если захочешь,
Дикая лошадь, гордая лошадь!

А раз лошадь – что с ней, собственно, церемониться:

И вновь копытом бью я весело и нежно
О чашечку цветка, в котором спите Вы.
Проснитесь же!..

Что-то я запуталась – кто из них лошадь? Ну, не важно. Хотя копытом по спящему – это всё-таки, знаете ли, слишком. Так можно и не проснуться навечно. Но герой наш вовсе не жесток, нет. Он – мягок, жалостлив, скор на слезу.

На лице моём дождевки разместились без труда.
И блестят в глазах слезинки. Так бывает иногда.

* * *

Плачет ива, горько ива плачет.
Я и сам, как ива над рекою.

* * *

Белый парус, ты зачем
Заставляешь душу плакать?

* * *

Поэт поэту руку жмёт,
За стих благодарит.
А по щеке его ползёт
Слеза былых обид.

Впрочем, если и блеснёт в глазах поэта слеза – то непременно скупая. И мужская. Это единственное, что в нём мужского: скупая мужская слеза.

Сможешь ты всё, что нужно понять,
Поглядев в мои только глаза.
Всё, о чём не могу я сказать,
Тебе скажет скупая слеза.

Но любимая поэта черства и жестокосердна. Где ей понять тонкую любящую душу! Никакой слезой её не прошибить. (Раз даже копытом по чашечке цветка не прошибло).

Не гони меня прочь,
Не моею не будь.
Я хотел бы всю ночь
Целовать твою грудь.
И всю ночь я с тоски,
Ублажая твой хмель,
Всё сосал бы соски,
Словно ласковый шмель.

Но напрасно этот ласковый и нежный шмель над ней вьётся:

Чужая Вы, чужая, не моя.
Да что с того, душа уже не ропщет.
Пускай не мне сажать Вас на коня...
Мне грудь твою уже не целовать
И губ не лакомить упругими сосцами.
Придёт другой тобой повелевать...

Ох уж этот "другой"! Сколько страданий через него!

Душа, как Золушка, измаялась совсем
И ждёт твоей любви и состраданья.

Одним словом, она его за муки полюбила, а он её – за состраданье к ним.

Любимая! Спешу тебя любить.
Пока я жив, пока ещё не поздно, –

дурным Северяниным причитает пиит.

Почему я ещё не низший?
Почему я уже не первый?
Почему не могу я пикнуть?
Почему впереди лишь тернии?

Ну, пикнуть-то он ещё может. Терпит-терпит страдалец, а потом ка-ак пикнет своим стихом! Прямо хоть уши зажимай.

Меня никто не любит!
Меня никто не хочет!
Меня никто не нежит!

Лишь голову морочат.
Чего-то все боятся,
Чего-то всех смущает...

И чего бы это, действительно? Чего им всем ещё надо? Какого такого рожна?

Полюбит ли кто меня бедного,
Случайно хотя бы взглянет?
Откроет ли дверцу заветную,
С собою меня позовёт?
Засушит меня тоска смертная.
Кто будет меня оживлять?
Терплю, как могу всё я, бедненький,
Умею плохое прощать, –

выводит жалостные рулады поэт в стихотворении под горестным названием "Я один, совсем один..." А другой – ещё одиноче, ещё круче:

Я одинок, как навозная куча
На чистейшем февральском снегу.

Это ж надо, каково выдал! Куда там Маяковскому с его "я одинок, как последний глаз у идущего к слепым человека"! "Навозная куча" намного свежее. (Я имею в виду поэтический образ.)

От самолюбования поэты легко переходят к самоуничижению (тому, что паче гордости.) И обратно.

Я песчинка на дне твоего океана,
Я твоя очень малая-малая часть.

Он умиляется себе, махонькому:

И звучит во мне, звучит
Переливчато и тонко
Непосредственность ребёнка
И предследственность причин.

* * *

Послушным комочком в кронах свернувшись,
Я забываю, что я – ветер...

Однако из бесконечно малого поэты вырастают (пусть лишь в своих глазах) в нечто бесконечно большое. Так сказать, через тернии – к звёздам.

И пусть лягушкой рос я
Завшивленной, бесхозной,
Но прыгнул высоко
Из грязи – прямо в звёзды.

Это в сказке была царевна-лягушка. А в наших стихах – царевич-лягух. Из грязи – прямо в царевичи. То бишь в поэты. А почему нет?

В тёплых ладонях меня ты согрей,
Чтоб оказалась бездонней
Наша любовь. Пей её, пей
Чашечкой маленькой, скромной.

Кто сказал, что женщину украшает скромность? Мужчину она украшает куда больше.

Колени сдвину,
Не буду груб.
Почти невинно
Коснусь я губ.
Потом, ослабнув,
Не упаду...

"До чего же сволочь хлипкая!" – говорил в таких случаях Лёва Задов из "Хождения по мукам."

Погружение в женщину требует смелости,
Такой же безбожной, как самоубийство, –

глубокомысленно изрекает очередной сочинитель. Что мы, в самом деле, безбожники что ли какие, чтобы такого от него требовать! Упаси Господь. Живи, родимый.

Впрочем, иногда в поэте просыпается любовный голод. И тогда он страшен:

Я в любви голоднее, чем рысь
И безбожной, чем сытая мысль.
Одного лишь хочу, чтоб объятья
Не куснула гадюка проклятья.

Поэт предостерегает женщину:

Не буди во мне лучше Везувия,
А не то извержение последует.

А когда она, не послушав благоразумного совета, всё-таки разбудила, считает своим долгом напомнить:

Оставаться недотрогой
Ты раздумала сама.

Так-то, милая. Чтобы никаких претензий потом. За что боролась, на то и напоролась. "Я невиноватая! Он сам ко мне пришёл!" – вспомнилась сакральная фраза из популярного фильма. Только в данном случае роли переменялись: в качестве невиноватого – он.

Наш поэт может быть коварным:

Я нахожу тебя, и всем своим бездомьем
Вцеловываюсь в нежную оплошность.

(А ты не плошай! На то и щука в реке, чтоб карась не дремал.) Но чаще он мирен и добр:

И вот живу с улыбкою беззлобья,
Как небо после ливня проливанья.

Кто-то что-то сказал про грамотность? Типун ему на язык. Да это же новое слово в поэзии! Вот вам ещё:

В тебе есть сказочность влюбляния навек...

На этой оптимистической катарсионной ноте мы и завершим наш собирательный портрет саратовского поэта. "Собирательный образ рисую тебя", – как выразился один из них. Предвижу упрёки: зачем тратить бумагу и критический раж на доказательство очевидной всем графомании? Но не так уж всё очевидно, если один из цитируемых авторов – всероссийски известный поэт-песенник, второй – руководитель поэтического клуба, третий – экс-редактор солидной саратовской газеты, то есть люди не последние в местном литературном мире. Иногда полезно показать их творчество вот так, как оно есть, без прикрытия имён, званий, звучных псевдонимов, хвалебных аннотаций и заказных рецензий. И, подобно андерсеновскому мальчику, от души посмеяться над тем, что король-то, оказывается, гол. Хотя фиговым листком ему прикрывать, в сущности, нечего: он не только гол, но ещё и беспол.